

Грандиозные битвы ближайшего будущего
от лучших российских фантастов!

WARFIST

• ЮРИЙ БУРНОСОВ •
ПИКВИДАТОР

Юрий Бурносов

Ликвидатор

Серия «WarFist», книга 2

<https://litres.ru/32825838>

Бурносов Юрий. Ликвидатор (роман): Издательство АСТ; Москва;
2018

ISBN 978-5-17-092717-3

Аннотация

<p>Эхо войны между Легионом Свободы и Синдикатом донеслось в самые далекие уголки планеты. Не прав тот, кто думает, что война идет только на экранах телевизоров и в Интернете. В тех местах, которые не всегда показывают на картах, свистят пули и гремят взрывы, гибнут люди и обращаются в руины целые города.</p> <p>Сергей Мамонтов, ликвидатор Легиона Свободы, прибывает в Кувейт, дабы выполнить опаснейшее задание командования. Мамонт хитер, решителен и смертоносен. Но чем дальше, тем больше он убеждается, что в большой игре между Легионом и Синдикатом ему отведена роль разменной монеты.</p> <p>С этого момента ликвидатор может доверять только себе. Единственный друг – верный пистолет, единственное желание – дожить до завтрашнего утра. Единственная цель – не дать себя ликвидировать.</p>

Содержание

Часть 1. Рикошет	5
Глава 1. На крючке	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Юрий Бурносов

Ликвидатор

© Бурносов Ю., 2018

© ООО «Издательство «АСТ», 2018

* * *

*Тот, кто выигрывает войну, никогда не
перестанет воевать.*

Э. Хемингуэй, «Прощай, оружие!»

Часть 1. Рикошет

Глава 1. На крючке

2031 г., Эль-Бурган, Кувейт

Я медленно бреду к двухэтажному зданию почты, где находится временный штаб Синдиката. Лоб мой блестит от пота, но виной тому не волнение и тем более не страх, а засушливый климат Эль-Бургана, города, выросшего вокруг крупного нефтяного месторождения в Кувейте около десяти лет назад.

– Твоя цель – подполковник Роберт Огден, – вещал генерал Джон Тейлор с экрана мобильного во время вчерашнего сеанса связи. Картинка слегка подрагивала и время от времени зависала: Интернет в этих краях был явно далек от идеала. – Ты ведь справишься, Мамонт?

Я пожал плечами:

– Должен.

«Должен»... Вся идея Легиона построена вокруг этого самого слова. «Мы должны...», «Долг превыше всего», «На нас рассчитывают...». Джон Тейлор повторял подобные фразочки изо дня в день, и в его исполнении они звучали, как древ-

ние заклатья, которые действительно способны зажечь сердца единомышленников.

Двое солдат, едва меня завидев, вытянулись в струнку и отдали под козырек. Я нехотя остановился, ответил им тем же и с каменным выражением лица продолжил свой путь.

– Это Харрис, что ли? – услышал я за спиной заговорщический шепот.

– С ума сошел? – фыркнул второй голос. – Харрис же майор, а это – капитан.

– Вот черт, и правда. А это тогда кто?

– Твое какое дело? Погнали уже, пока нас опять не припахали.

Я улыбнулся самыми уголками рта, слыша их удаляющиеся шаги. Форма офицера Синдиката не только служила пропуском во временный штаб, но и избавляла облаченного в нее человека от неуместных вопросов сержантов, капралов и прочей шушеры рангом ниже. И то, что на форме этой имелись грязные пятна, что она слегка пованивала, только добавляло мне вистов в глазах простого солдата – они видели в безымянном капитане настоящего мужика, который не боится запачкать руки. Готов спорить, никто не догадается, что воняет от меня треклятой эль-бурганской канализацией, через которую я и проник на территорию Синдиката. Вонь, подобной той, что царила внизу, мне прежде вдыхать не доводилось. Как меня не вывернуло наизнанку, ума не приложу.

Я утер пальцем проступившую слезу: накладные усы ще-

котали нос. Удивительно, насколько они меняют человека. Многие считают, что изменить внешность не так-то просто, но на самом деле мне для этого нужно всего три вещи – накладные усы (или бородка), линзы (чтобы сменить цвет глаз), головной убор (чтобы скрыть волосы) и выработанное годами хладнокровие. Вы можете изменить внешность до неузнаваемости, но выдать себя одним мимолетным движением. Или же надеть линзы с бородкой и спокойно продефилировать через вражеский лагерь прямо к цели – если у вас достаточно выдержки и самообладания. Был, конечно, и более любопытный способ, чем «костюмированная вечеринка», но я, как обычно, старался не усложнять там, где это не требуется, и потому обошелся самым примитивным гримом.

Дежурившие у входа в штаб рядовые отдали мне воинское приветствие. Я на сей раз ограничился лишь сдержанным кивком и, толкнув дверь, вошел внутрь.

Внутри царил могильный холод: кондиционеры на стенах работали на полную катушку. Я невольно вспомнил детство: за окном снег метет вовсю, мороз минус двадцать, а у нас в малосемейке на окраине Подольска батареи буквально ледяные... Поежившись, я отогнал прочь неуместные воспоминания и сосредоточился на задании.

Слева от входа несколько офицеров толпились у закрепленной на стене сенсорной панели, видимо обсуждая грядущее наступление; справа двое, первый лейтенант и тучный сержант, пили кофе, о чем-то негромко переговариваясь. Не

задумываясь, я шагнул к этой парочке и спросил:

– Где я могу найти майора Харриса?

– Должен быть наверху, в архиве, – ответил лейтенант. Сержант рядом с ним на всякий случай отставил кружку в сторону и выпрямил спину. – Не желаете кофе, сэр?

– Благодарю, но нет. – Я уже спешил к лестнице, ведущей на второй этаж.

Однако стоило мне ступить на первую ступеньку, как Харрис сам вышел мне навстречу – он с беззаботным видом спускался вниз, когда наткнулся на меня.

– Это я, Сэм, – прошептал я, посмотрев на него в упор.

– Мамонт? – после непродолжительной паузы спросил он одними губами.

Я взглядом указал наверх, а вслух сказал:

– Срочное сообщение, сэр. Мы могли бы поговорить с глазу на глаз?

– Конечно. – Он затравленно покосился на пьющих кофе, затем – на толкущихся у панели офицеров. – Конечно... капитан. Пройдемте наверх.

Он развернулся и устремился обратно на второй этаж. Я пустился следом, спиной чувствуя задумчивые взгляды лейтенанта и сержанта. Сомневаюсь, что они меня в чем-то заподозрили, но каждый из них наверняка подумал: «Почему я совсем не помню этого парня?»

Если все сложится удачно, мы больше никогда не увидимся и они не спросят напрямик, кто я и как здесь оказался.

Едва мы вошли в комнату Харриса, он закрыл дверь и набросился на меня с вопросами:

– Что ты здесь забыл? Это часть новой миссии? Почему мне не сообщили? Генерал Тейлор в курсе?

– Вообще-то он меня сюда и направил, – пожал я плечами.

– Зачем? – Майор глупо захлопал глазами.

– Чтобы я устранил Огдена.

Харрис побледнел, закусил нижнюю губу и покачал головой.

– Почему же он меня в известность не поставил? – хриплым от волнения голосом спросил наш добрый «крот». – Еще слишком рано...

– В самом деле? – усмехнулся я. – А вот генерал считает иначе.

– Генерал... Он в десятках тысяч миль отсюда, а мы – здесь, мы все видим... – Харрис быстрым шагом прошел через комнату к окну, выглянул наружу, словно опасаясь, что ошивающиеся поблизости солдаты каким-то образом смогут подслушать, о чем мы тут болтаем.

– Нам нельзя... – начал было он, однако я не дал ему закончить.

Шприц с ядом вонзился в незащищенную шею «крота», и Харрис вздрогнул всем телом.

– Что... что ты... – слабым голосом пробормотал он, пытаясь ухватиться за меня, чтобы не упасть.

Однако я безучастно отступил в сторону, позволив ему

рухнуть на колени, а потом для верности толкнул его ногой. Когда затылок коснулся пола, он уже был мертв. Яд торика-буто, столь почитаемый японскими ниндзя, как обычно, не подвел.

За спиной скрипнули дверные петли. Я оглянулся через плечо и увидел бледное лицо давешнего лейтенанта.

– Что встал?! – рывкнул я, опережая любые вопросы. – Не видишь, человеку плохо?! Врача, бегом!

Мой крик живо вывел его из ступора: отрывисто кивнув, парень бросился вниз, перепрыгивая через несколько ступенек за раз. Я же, не медля, резко поднял оконную раму и выглянул наружу. Высота смешная, конечно, но подвернуть ногу можно запросто, а с вывихом попробуй убеги от разъяренных солдат Синдиката!..

Впрочем, иного пути для отступления у меня все равно не было, и потому я споро выбрался наружу, ухватился за подоконник и повис на руках. Посмотрев вниз и убедившись, что ничего опасного подо мной нет, я мысленно сосчитал до трех и разжал пальцы.

Приземление нельзя было назвать мягким – все-таки армейские ботинки для подобного «паркура» обувь не самая подходящая, – однако обошлось без травм. Оправив растрепавшуюся форму, я устремился к ближайшей подворотне, намереваясь отыскать канализационный люк и благополучно скрыться, как вдруг меня нагнал до боли знакомый голос:

– Стоять.

Я замер. Медленно, стараясь не провоцировать «невидимку», повернул голову на голос и увидел достопамятного лейтенанта. С каменным выражением лица он направлял на меня пистолет.

– Вы нашли врача? – нахмутив брови, строго поинтересовался я.

Мой вопрос его заметно удивил. Он ведь до конца не понимал, что происходит. Станный, незнакомый ему капитан появляется в штабе, поднимается наверх, чтобы встретиться с майором, потом требует вызвать для этого майора лекаря, а сам благополучно покидает здание через окно... Чертовщина какая-то, не иначе. Но, так как, по сути, никаких доказательств против меня нет, а безосновательно обвинять старшего по званию – идея не самая лучшая, лейтенант просто переминается с ноги на ногу, на всякий случай держа меня на мушке.

– Нет, но... – попытался оправдаться парень, однако я свирепо воскликнул:

– И почему?! Майор Харрис при смерти, а вы за мной гоняетесь?!

Возмущаясь, я мимоходом сумел повернуться к нему лицом и даже сделать махонький шажок навстречу. Увлеченный моей пламенной речью, он то ли ничего не заметил, то ли не придал своим телодвижениям особого значения.

Зря.

– Вы... вы только что выпрыгнули из окна второго этажа!

– дрожащим от волнения голосом напомнил он, не опуская пистолет. – Потрудитесь объясниться... сэр!

– Почему я должен объясняться перед младшим по званию, скажите-ка мне, лейтенант?! – рявкнул я, продолжая корчить злобные рожи и семенить к моему пленителю.

Нас разделяло всего два шага.

Я резко задрал голову и, глядя на окно, через которое вылез, радостно воскликнул:

– Харрис, старина! Слава богу, вы живы!..

Лейтенант инстинктивно повернулся, чтобы лично взглянуть на ожившего майора, а мне только это и нужно было: резко подступив к нему, я безжалостно выдрал пистолет из рук лейтенанта и огрел его по голове рукоятью. Он рухнул без чувств – удар пришелся в височную долю, – а я метнулся к ближайшей подворотне. Скрывшись за огромным мусорным контейнером, чудом уцелевшим во время недавней бойни за восточный Эль-Бурган, я споро стянул походный китель, обтер его краем пистолет и вместе с кепкой и надоевшими усами отправил все это богатство в помойку. Блестя наголо бритой головой, я в сине-черной футболке Синдиката неспешно устремился к виднеющемуся неподалеку канализационному люку. Шел я вразвалочку, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Я практически не сомневался, что лейтенант находится в отключке и что с затылка меня не так-то просто опознать, однако рисковать не стоило.

По-хорошему, мне бы убраться из проклятого Эль-Бурга-

на, пока собратья по оружию из Легиона не прознали о моем неожиданном предательстве. Но, как назло, на вечер у меня была запланирована крайне важная встреча в городской черте, пропустить которую я никак не мог.

К счастью, стычкой с чересчур любопытным лейтенантом мои похождения на территории Синдиката и закончились: беспрепятственно достигнув люка, я опустил на корточках рядом с чугунной крышкой.

Канализация встречала меня знакомой вонью.

* * *

2031 г., ранчо «Эстрелла», Финикс, Аризона

Когда ноутбук разразился характерным звуковым сигналом, Джон Тейлор находился в кухне на втором этаже, где варганил нехитрый завтрак из трех яиц и пары сосисок. Нахмурившись, он выключил плиту и прошел в кабинет мимо дежурившего у входа солдата.

Увидев, кто именно его вызывает, генерал помрачнел еще больше.

«Ричард, Э-Б».

– Принять, – прогремел Тейлор.

На экране возникла обеспокоенная физиономия старого знакомого Тейлора – полковника Ричарда Уайлдера. Джон

познакомился с Ричардом во время первой Афганской кампании, когда тот еще не обзавелся тяжелыми, как у откормленного кота, щеками, а густые брови и коротко стриженные волосы не выбелила ранняя седина.

– Что-то экстренное, Дик? – спросил Джон, облокотившись на столешницу.

– Можно сказать и так, сэр, – ответил полковник с экрана ноутбука.

Он замялся – видимо, отчаянно подбирал слова.

– Что случилось? – спросил Джон.

Ричард поднял голову и, вздохнув, сообщил:

– Мамонт пропал, сэр. Он должен был выйти на связь два часа назад, но до сих пор этого не сделал. Я взял на себя смелость лично связаться с ним, однако его мобильник вроде как... отключен.

На некоторое время воцарилась тишина. Закатив глаза к потолку, Джон жевал нижнюю губу, а Ричард на экране терпеливо ждал, пока генерал все обмозгует.

– Что ж, пожалуй, нам остается только ждать, – наконец произнес Тейлор. – Возможно, у него возникли какие-то сложности и он выйдет на связь попозже.

– А что, если он прокололся, сэр? – откашлявшись, спросил полковник.

– Пока что просто ждем, Дик, – с нажимом повторил Тейлор. – Если Сэм выйдет на связь, звони в любое время дня и ночи. Если же нет... – Джон бросил взгляд на наручные

часы. — Дадим ему время до утра. Потом набери меня, будем что-то решать.

— Вас понял, сэр, — кивнул Ричард.

— Конец связи, — сказал Джон и нажал отбой.

После он вернулся на кухню и снова включил плиту.

* * *

2031 г., Эль-Бурган, Кувейт

Я сидел за стойкой в занюханном баре на западной окраине Эль-Бургана, вертел в руках стакан с водой и хмуро рассматривал в треснувшем зеркале на стене собственное отражение. Тринадцать лет назад это лицо еще не было изрезано морщинами да шрамами, а его обладатель мог похвастаться пышной пепельной шевелюрой и лучшим хуком с правой среди студентов университета Северной Каролины. Его, к слову, когда-то окончил небезызвестный Майкл Джордан и многие другие выдающиеся спортсмены. К сожалению или к счастью, учеба давалась мне куда труднее, чем бокс, и со второго курса меня отчислили за неуспеваемость. Затем была армия, пламенные речи генерала Джона Тейлора, участие в его Иранской кампании...

И памятная Сирджанская Мясорубка.

Я сжал стакан так, что он едва не лопнул. Опомившись,

я спешно опустил его на стойку и сплел пальцы рук перед собой. Прошло без малого десять лет, но те события свежи в памяти, как будто это случилось только вчера. Боюсь, я уже никогда не забуду рокот сотни автоматов, замечательно-го Винни Коэна, моего друга, умершего прямо у меня на руках, и первую личную встречу с генералом Тейлором, которая состоялась через день после моего чудесного возвращения в Бендер-Аббас.

Я бросил взгляд на часы, чертыхнулся и оглянулся через плечо. Большая часть столиков в мрачном зале бара пустовала. Лишь за двумя из них восседали солдаты Легиона, находящиеся то ли в увольнении, то ли в самоволке. Как и положено обычным рядовым, не обременяющим себя лишними мыслями, они шутили, ржали, как кони, и пили дрянную местную водку. Мне жутко хотелось покинуть это богом забытое место, однако я вынужден был ждать связного.

– Еще воды, не? – предложил бармен на ломаном английском и осклабился, довольный собственной остротой. Был он тощий араб с черными волосами и вытянутым треугольным подбородком.

– Нет, – бросил я без тени улыбки.

– А ты не с ними, не? – Бармен кивком указал на развлекающихся солдат.

– Нет.

Он покивал и, поняв, что я не настроен развлекать его беседой, разочарованно отвернулся к кассе.

По счастью, связной прибыл точно в срок, не заставив меня ждать ни одной лишней минуты.

– Мистер Сэм, – с донельзя фальшивой улыбкой произнес тощий мужчина, опускаясь на табурет рядом со мной. – Как я рад вас видеть!

– Не поверите, мистер Жук, но сегодня я даже готов ответить вам взаимностью, – сказал я, с ненавистью глядя поверх стекол моих «хамелеонов», как он усаживается и поправляет растрепавшиеся волосы.

Даже второсортные шмотки, которые связной, кажется, отобрал у кого-то из местных нищелюбодов, не могли скрыть его слащавого лоска. Подобная омерзительная «вылизанность», к сожалению, была присуща большинству современных американцев, которые с чего-то решили, что в сине-черном движении Синдиката – их спасение от докучливой бедноты. Жук в этом обветшалом баре казался неуместным, словно улыбчивый коммивояжер на похоронах.

«Кому еще карманную библию? Только сегодня за девять девяносто пять!...»

– До чего приятно слышать! – продолжая улыбаться во все тридцать два, соврал он.

Щелчком пальцев обратив на себя внимание бармена, Жук заказал себе виски.

– Итак, дело сделано, – сказал я, не без удовольствия глядя на его скривившуюся после первого же глотка физиономию: как и следовало ожидать, поило в этом месте явно было хуже

некуда. – На этом, надеюсь, все? Мы свободны?

Он не ответил. Я хотел повторить вопрос, когда на мой телефон, как по заказу, пришло сообщение. Жук использовал простую, но изящную схему пересылки информации: все необходимые материалы, включая фото и видео, он пересылал по ИК-порт через специальное приложение, что практически исключало возможность перехвата. Схожим приложением пользовался, к слову, и Легион, когда речь шла о сверхсекретных стратегических данных: на Синдикат работало немало «продвинутых» хакеров, способных в два счета расшифровать канал (или как там правильно называется подобный взлом на сленге программистов?..).

– Взгляните-взгляните, – сказал Жук, когда я вопросительно посмотрел на него.

Прочитав письмо, я недоуменно нахмурился.

– Это какая-то шутка? – спросил, покосившись в сторону давящегося отвратным вискарем Жука.

– А разве прежде мы с вами шутили, мистер Сэм? – откашлявшись, спросил он.

– Судя по всему, никогда не поздно начинать. Я одного не пойму: почему вы засуетились только сейчас, почему не раньше? Ну, когда я еще был по... нужную сторону баррикад?

– Не я выбираю для вас цели, мистер Сэм, – пожал плечами Жук. – Если шеф рассудил, что сейчас – самый подходящий момент, значит, прежде эта миссия и вовсе была невоз-

можно.

– Хотел бы я знать, почему, – пробормотал я еле слышно.

Таинственный шеф Жука, скрывающийся под псевдонимом Гарри Гопкинс, отчего-то решил, что мне рано покидать Эль-Бурган. Более того – он, по сути, хотел, чтобы я нагрязнул в осиное гнездо, отыскал там некоего капитана по имени Джеральд Грин и, прихватив его с собой, свалил прежде, чем нас обоих нашьпигуют свинцом. С одной стороны, получать подобное задание вроде как даже лестно: заказчик явно считает меня профессионалом экстра-класса. С другой стороны, истинный профессионал экстра-класса ни за что не полезет в подобную передрагу.

Но у меня были чертовы «особые обстоятельства». И хитрый Гарри Гопкинс, благополучно мне их создавший, теперь распоряжался мной, как вздумается.

– Пришлите мне список того, что вам понадобится для выполнения задания, – сказал связной, наблюдая, как я, хмурясь, перечитываю письмо снова и снова. – И приступайте как можно скорее. Вам ведь, надеюсь, не надо напоминать, что задержка может быть расценена как отказ, а его мы не приемлем.

Он мерзко улыбнулся, и я лишь с превеликим трудом сдержался, чтобы не врезать ему по морде прямо здесь и сейчас. Но то, чем они меня шантажировали, вынудило снова подавить это желание.

– Всю дополнительную информацию, – с гаденькой улыб-

кой продолжил Жук, – вы получите на ящик чуть...

Громкий хохот из глубины зала вынудил связного замолкнуть. Я оглянулся через плечо и увидел стройную темноволосую официантку, которая стояла, уперев руки в боки, возле столика с квартетом пьяных солдат.

– Что вы себе позволяете? – воскликнула девушка с нетипичным для здешних мест русским акцентом.

Во второй раз я оглядел ее куда более тщательно. Черт возьми, неужели это моя соотечественница? Но какого лучшего она забыла в Кувейте?..

– Послушай, милая... – Один из солдат, веснушчатый и рыжий здоровяк с детским лицом, протянул к официантке руку, намереваясь, судя по всему, обхватить ее за осиную талию и притянуть к себе, однако девушка ловко отступила в сторону, и легионовец едва не сверзился со стула.

Я едва сдержал смешок. Грязные тупорылые свиньи. Видал бы их сейчас Джон Тейлор!.. Думаю, он был бы до того зол, что самолично выбил дурь из всей четверки.

– Ты че творишь, сука? – разозлился Рыжик.

Я напрягся и инстинктивно повернулся к разбушевавшимся воякам. Агрессивно настроенный солдат оперся обеими руками на столешницу и грузно поднялся. Девушка заметно побледнела, шагнула было назад, однако на сей раз Рыжик проявил чудеса прыткости и умудрился схватить ее за запястье. Он размахнулся свободной рукой, явно намереваясь отвесить ей звонкую пощечину...

– Эй!

Мой голос перекрыл пьяное бормотание пьянчуг, и все обратились ко мне, разом замолкнув, – официантка, Рыжик, его дружки, парни за соседним столиком... Затылком я чувствовал взгляды бармена и Жука.

Я ощутил себя экспонатом в музее, вокруг которого столпилась толпа зевак, и это ощущение нельзя было назвать приятным. И хотя в детстве я любил находиться в центре внимания, армия сделала меня нелюдимым и скрытным.

Но сейчас я просто не мог молчать.

У любого есть собственный кодекс чести. Иные не гнушаются колотить жен и детей (нередко – не только своих), для меня же проще отправить на тот свет взрослого мужика, чем поднять руку на женщину или ребенка. Эль-Бурган – зона боевых действий, мы здесь воюем, убиваем друг друга ради целей, которые преследуют наши полководцы Эдвард Уоррен и Джон Тейлор. Но мы не должны вовлекать в наши распри невинных жителей.

Чтобы развеять последние сомнения, я спрыгнул с табурета и вразвалочку направился к Рыжику, беззастенчиво глядя ему прямо в зеленые глаза через тонированные стекла очков. Он невольно сглотнул набежавший в горле ком, а потом, по-прежнему сжимая запястье официантки, прошипел:

– Тебе чего, мужик?

– Убери руки от дамы, пьянь, – сказал я негромко, но твердо. – Не видишь, ей больно?

– Это ее проблемы, – пожал плечами Рыжик. – Нечего разговаривать в таком тоне с осло... освободителями!

– Какого дьявола ты перед ним оправдываешься, Марк? – подал голос еще один верзила, утерев с квадратной челюсти капли водки. – Врежь мудаку как следует!

Рыжик на секунду замер, точно статуя, видимо пытаясь сообразить, как ему, не выпустив норовистую официантку, врезать дородному хаму в щегольских «хамелеонах». Мне оставалось только подбросить угля в топку; замерев в двух шагах от него, я расплылся в наглой улыбке и поманил его к себе обеими руками со словами:

– Смелей, цыплята. Врежьте мудаку... если сможете.

Словечки типа «цыпленок» всегда будят внутренних демонов, которые живут в головах подобных дерзких типов. Вчерашний тинэйджер, морда до того глупая и наивная, что, кажется, он поменял джойстик своей любимой «плейстейшен» на автомат только сегодня утром. По крайней мере, мне проще было представить этого идиота на очередном заседании «братства» в студенческой общаге, чем посреди раздираемого боями города в богом забытой стране.

– Как ты нас назвал, мужик? – просипел Рыжик.

Он наконец-то выпустил запястье официантки, и она поспешила было к дверям кухни, когда на пути вырос еще один «герой» – ушастый тип, черные волосы которого были стрижены «площадкой».

– Не спеши, милая, – ощерился он.

Его слова послужили отправной точкой.

Ребром ладони Рыжику в кадык, легким толчком отправляю его на стол к приятелям – главное блюдо, ребятаки! Его дружок с квадратной челюстью пытается возмутиться, но я ломаю ему нос беззлобным, выверенным ударом, и он снова падает на стул.

Официантка, по счастью, оказывается расторопнее пьяных вояк и догадывается уйти с «линии огня». А вот Ушастый почему-то решил, что даже несколько рюмок не мешают ему одолеть абсолютно трезвого ликвидатора, который в будничном темпе уже вырубил двоих. Досадная ошибка, очень досадная. Пока он замахивался, намереваясь сокрушить меня мощным хуком, я успел бы выпить пару кружек кофе, но не стал превращать потасовку в цирк и всего лишь пробил ему в «солнышко» с ноги, буквально опрокинув на пол.

Рыча, ко мне бросились двое дружков Ушастого, а сзади, я уже слышал, бежали мстить за Квадратную Челюсть и Рыжика. Я улыбнулся самыми уголками рта: потрясения службы, в частности – Сирджан, сделали меня немножко безумным.

А потом мы немного потанцевали.

Челюсть, кадык, локтем назад в переносицу, этому под правую «чашечку», потом ему же, согнувшемуся, коленом в лицо со всего размаха, поворот и – к тому, что обеими руками схватился за горло. Ногой в солнечное сплетение – и бе-

долага отправляется к корчащемуся на полу Ушастому. Довершая дело, элегантно «па» опрокидывая на пол Квадратную Челюсть, который решил, что достаточно отошел от первого удара. Напрасно, лучше б остался за столом, танцоров и без него хватало.

В итоге он падает мордой в лужу пива на полу.

Я поворачиваюсь к стойке. С лица бармена наконец-то сползла надоедливая улыбка, Жук пропал, а официантка стоит, закрыв рот ладонью, и ошарашенно смотрит на разбросанные по полу тела. Солдаты стонут, но подняться не могут – вероятно, это их первый серьезный танцевальный конкурс.

Я поправляю очки, подхожу к стойке, допиваю воду из стакана и, повернувшись к девушке, спрашиваю на чистом русском:

– Мне показалось или вы из России?

– Так ты земляк, мать твою?! – восклицает она в ответ с радостной улыбкой.

* * *

– Охрана у вас тут, конечно, те еще ротозеи, – заметил я, провожая скептическим взглядом двух верзил, волокущих к выходу поверженных солдат. – Если бы я не вмешался...

– То ничего бы нового не случилось, – презрительно фыркнула девушка. – Я, конечно, тебе благодарна и все та-

кое, но, думаю, ты и сам понимаешь, что подобные дуболомы сюда заходят нередко.

Мы сидели за столиком в дальнем углу помещения, подальше от докучливого бармена и еще не вышвырнутых из бара мордovorотов Легиона. Жук как отчалил, так больше и не возвращался, однако в те мгновения я думал вовсе не о треклятом наглеце. С глупой полуулыбкой я смотрел на курносый нос официантки, на темно-русые волосы, спадающие на ее плечи, на покусанные губы, пухлые щеки и голубые, цвета июньского неба, глаза. Она то ли не признавала, то ли просто не могла позволить себе никакой косметики, но это – удивительно! – нисколько ее не портило. Бывает ведь естественная красота такой силы, что ее ничем подчеркивать не надо...

А еще она безумно напоминала мою первую школьную любовь. Ту девочку звали Марина Синякина. Она сидела на первой парте и много умничала, но была чертовски красивой, а я пребывал в том возрасте, когда ты любишь женщину не за совокупность качеств, а просто за смазливое лицо.

– Понимаю, – отозвался я. – Но мне другое неясно: куда в такие моменты смотрят дуболомы, которые вас охраняют?

– Они за баром приглядывают, а не за теми, кто в нем работает, – пожала плечами девушка. – Тем более, я чужая. – Она изобразила пальцами кавычки. – «Какая-то заблудшая русская».

– То есть, русских они не очень-то жалуют? – выгнул

бровь я.

– Да не то чтобы именно русских... Им тут просто любые чужаки сугубо параллельны.

– Ну, это во всем Кувейте так, – пожал плечами я.

– Да, так, – закивала девушка. – Я тоже успела заметить – за два-то года.

Мы помолчали. Я вертел в руках новый стакан с водой, она наблюдала за тем, как вытаскивают из бара Рыжика – главного «затейника», из-за которого потасовка, собственно, и началась.

– Тебя как зовут, кстати? – спросил я, решив нарушить эту неловкую тишину.

– Марина, – не поворачивая головы, бросила она.

– А фамилия, часом, не Синякина? – вырвалось у меня.

Марина одарила меня удивленным взглядом из-под длинных ресниц и проронила:

– Нет. Семейное положение и количество детей интересует? Может, загранпаспорт показать?

– Ладно тебе, проехали. – Я отвернулся, хлебнул из стакана.

– Ну тогда, может, свое имя назовешь? Ну, хотя бы из вежливости? – спросила она с плохо прикрытым сарказмом.

Я открыл было рот, намереваясь представиться настоящим именем, но тут же себя одернул. Что еще за глупая сентиментальность? Встретил землячку – и сразу перед ней душу нараспашку? Где твой профессионализм, Мамонт? Куда

он вдруг улетучился?

– Сэм, – прокашлявшись, сказал я. – Сэм... Хэйз, если тебе интересно.

– Что-то не больно ты... не больно-то похож, честно сказать, – скептически отметила Марина. – На Сэма-то Хэйза.

– Ты про мой русский? – Я снова поднес стакан к губам. – Моя мать оттуда, из Петербурга, а вот отец – американец. Мама потом рассказывала, что изначально хотела назвать меня Сергеем, но отец настоял на имени Сэм: он с самого начала не собирался надолго задерживаться в России. Собственно, так и вышло: мы переехали в Штаты, когда мне было пять лет и я уже неплохо так болтал по-русски. Ну а потом волей-неволей пришлось учить английский... хотя мать и русский не давала забыть. Для нее это была такая... отдушина – поговорить с кем-то на родном языке о том, о сем.

Удивительно, но в этой истории лжи было не очень много: пусть на самом деле мой биологический папаша исчез с радаров, едва узнал о беременности матери, но приемный отец действительно перевез нас в Америку. Мне, конечно, было уже не пять, а все десять, и я успел немало перенять у ребят из Подольска, таких же неблагополучных обитателей «хрущевок», как и мы с мамой. Но факт оставался фактом: вырослел я уже в США, и поначалу мне там, мягко говоря, были не слишком рады – отчасти из-за того, что по паспорту меня звали Сергей.

– Не поверишь, но судьба твоей матери удивительно по-

хожа на мою, — произнесла Марина, рассеянным взглядом уткнувшись в стул, стоящий напротив. — Правда, детей у меня не было, да и замуж я вышла не за американца, а за англичанина... но от этого, поверь, с кем-то из наших пообщаться хотелось не меньше.

— Так ты жила в Англии? И каким тогда ветром тебя занесло сюда?

— Ветром «Справедливости». — Выражение ее лица мгновенно ожесточилось. — Стоило им прийти к власти, и я тут же овдовела, а еще чуть позже лишилась крыши над головой. Тогда и решила, что дольше оставаться на этом тонущем судне под гордым названием «Великобритания» мне недосуг.

— Но почему ты не вернулась в Россию?

— А ты? — Она пристально посмотрела мне прямо в глаза, надеясь, видимо, смутить, но я был тертый калач и не поддался на эту уловку. — Сам-то зачем поехал в Кувейт?

— Прости, но это не та информация, которой я готов поделиться. — Я изобразил виноватую улыбку.

— Ну вот и я не готова, — слегка раздраженно сказала она. — Надеюсь, с обоюдным пониманием?

— Разумеется.

В этот момент в зал из кухни нагрянул, как я понял, хозяин бара. По крайней мере, его насупленная круглая физиономия и уверенная походка наводили на мысль, что он в этих стенах чувствует себя, как дома.

— Марин, что опять случилось? — Подступив к нам, тол-

стяк махнул рукой в сторону вытирающего пол бармена – после потасовки на полу оказалось немало водки и пива.

– Вояки хамят, – с непередаваемым акцентом ответила девушка.

– Ох уж мне эти американцы... – проворчал хозяин. Лоб его блестел от пота, как и волосатые руки, которые он упер в бока, оставив на потасканной футболке сальные пятна. – Думают, им везде рады, думают, что они такие влиятельные...

Выудив из кармана мешковатых шорт мятый платок, толстяк протер им лицо и, окинув Марину придирчивым взглядом, сказал:

– Ты вот тоже, хватит прохлаждаться, лучше помоги Ибрагиму убрать за этими свиньями.

– Хорошо, сэр, – кивнула девушка и, шепнув мне: «Труба зовет», выпорхнула из-за стола.

– Пока, – бросил я, задумчиво глядя ей вслед.

Она не ответила. Подойдя к Ибрагиму, остановилась в метре от него и стала что-то рассказывать – судя по его хмурой мине, нечто не слишком увлекательное. Допив воду, я кивнул хозяину, он с явной неохотой кивнул в ответ.

– Вы тоже из этих? – спросил он, когда я уже был на полпути к двери.

Остановившись, я оглянулся через плечо.

– Из Легиона? – уточнил на всякий случай, хотя и так прекрасно понял, о чем речь.

– Ну... да. – Он, видно, обычно звал нас «эти американ-

цы» и «те», не забывая голову глупыми названиями, поэтому и растерялся немного.

– Нет, – сказал я.

«Уже нет» – добавил про себя и снова потопал к двери, провожаемый пристальным взглядом толстяка.

Не скажу, что решение предать Джона Тейлора далось мне просто. С другой стороны, он-то предал меня и еще две сотни человек давным-давно, просто оправдал это благородными побуждениями. Но в тот злополучный день, в Сирджане, моя вера в благородство могущественного полководца взяла и сдохла. С тех пор я не то чтобы просто отбывал номер, но точно не следовал зову сердца, как прежде. Кто-то скажет, что мне следовало просто уйти из вооруженных сил сразу после Мясорубки, кто-то – что не стоило пополнять ряды новоиспеченной армии генерала, решившего на старости лет бросить вызов модному Синдикату...

А кто-то считает, что месть – это блюдо, которое следует подавать холодным. И потому ни в чем меня не осуждает.

Так можно ли считать благородным мое многолетнее выжидание? Нисколько. И, более того, не возникни особые обстоятельства, я бы, возможно, никогда и не решился на это предательство.

Но случилось то, что случилось. Появился Гопкинс и подцепил меня на крючок.

Уже открыв дверь, я остановился и повернулся, чтобы еще раз взглянуть на Марину, но ее уже и след простыл. Лишь

бармен Ибрагим скучал, опершись на швабру.

– До встречи? – снова осклабился он, поймав мой взгляд.

– Пожалуй, – после секундной заминки бросил я и вышел в солнечный Эль-Бурган.

* * *

2031 г., Вашингтон, США

– Это еще что за щегол? – буркнул пожилой автомеханик, покосившись на стоящего за правым плечом напарника.

– Да я откуда знаю? – фыркнул второй, проследив взгляд приятеля. Он казался чуток помоложе: хотя волосы его также покрывала седина, морщин на широком лице практически не было. – Я тут и работаю-то всего пару месяцев. Это ты у нас за старожила.

– Нашел старожила!.. – усмехнулся пожилой. – За год всю клиентуру не изучишь, тем более тут все меняется каждый день.

Он смерил приближающегося к автосервису мужчину оценивающим взглядом. Каждая деталь его гардероба казалась и, бесспорно, являлась дорогой: белоснежная приталенная сорочка, брюки угольно-черного цвета и туфли им в тон, ну и конечно же часы – статусные «ролексы», явно не какая-нибудь дешевая реплика. Глядя на перемазанных

маслом вонючих механиков через стекла роскошных «рэй-бэнов», он, вероятно, чувствовал себя еще круче.

– А, да это ж этот... как его... мистер Джонсон! – припомнил Остин. – Из «Джеймисон Групп», банкиром там работает, кажется.

– Что-то я его не припомню... – хмуро заметил Джек.

– Да его ж по телеку показывают периодически, ты чего? Его сам Эдвард Уоррен хвалит, ага, говорит, за ним будущее наше, сечешь, стало быть? Ну и с хозяином он нашим вроде как дружит, заезжает иногда, на моей памяти, раза три сюда заскакивал, и вот – опять.

– День добрый, – остановившись метрах в трех от входа в автосервис, бросил Джонсон. – Я пришел забрать свой «альфа-ромео». Он готов?

– Думаю, да, сэр... – неуверенно ответил пожилой. – Напомнили б вы только, кто ею занимался?

– Курт ее вел, – подсказал второй автомеханик. – Так ведь, сэр?

– Ну да, наверное, – отмахнулся Щегол. – Так этот... Курт... он починил мою машину или нет? Он вообще где, здесь?

– Да... да, починил! – закивал пожилой. – А вот сам приболел...

– Я надеюсь, это не помешает мне забрать мою малышку? – с до омерзения фальшивой улыбкой процедил Джонсон.

– Конечно нет, – отмахнулся пожилой. – Вам вот сейчас

в окошко надо, сэр. Курт, стало быть, продиктовал Мелиссе, что там почем, оплатите и возвращайтесь, а Джек пока выкатит вашу малышку. Ты ведь выкаатишь, Джек?

– Да без проблем! – просиял второй.

Джонсон окинул его пропитанный маслом комбинезон брезгливым взглядом и возразил, снова повернувшись к пожилому:

– Э, нет, лучше я сам ее... выкачу. Просто отдадите мне тогда ключи и проводите к ней, о'кей?

– Как скажете, – пожал плечами пожилой, не без удовольствия глядя, как сползает улыбка с лица его более молодого товарища: он-то мечтал хоть с полминуты посидеть за рулем дорожного «альфа-ромео», а хозяин тачки его так лихо обломал.

– Так где у вас это окошко, говорите? – уточнил банкир, озираясь по сторонам.

– За угол сворачиваете. – Пожилой махнул рукой влево. – А там увидите, оно у нас тут одно.

– Понял. Пошел. Ключи готовьте, – бросил Джонсон через плечо и устремился в указанном направлении.

– Черт бы побрал этого треклятого сноба, – буркнул Джек, провожая вальяжно бредущего к углу богатея. – Думал, наверну кружок, пока он там с Мелиссой воркует, а он весь кайф обломал...

– Готов поспорить, он просто представил, как ты садишься на его бежевые сиденья в своей грязной робе, и ужаснулся

ся, – фыркнул пожилой.

– Грязной робе... – Джек сплюнул себе под ноги и пошел к верстаку. – Да для него, Остин, полную химчистку салона оплатить – это ж такая мелочь! Ну, как мне жвачку купить в автомате. Мог бы и промолчать, в конце концов, мы ему тачку сделали, должна ж быть какая-то благодарность?

– Ну, допустим, в тачке его Курт ковырялся, а не ты, – напомнил Остин. – Ну и опять же – какая вообще благодарность, если он за ремонт платит?

– Платит... Надо было у Курта ключ выпросить, пока он с болячками не слег...

Джек выудил из кармана связку разноцветных ключей. Отыскав нужный, он вставил его в замочную скважину верхнего ящика верстака и повернул против часовой стрелки до характерного щелчка. Внутри обнаружилась целая гора различных брелоков. На каждом, чтобы не путаться, имелась картонная бирка с пояснением.

– Ну и почерк у Курта... – покачал головой Джек. Он вытащил из ящика брелок с пометкой «альфа-ромео 32С» и снова подошел к Остину. – Я еле разобрал, что тут написано.

– Ты сегодня как будто не в духе, – заметил пожилой. – Дома чего-то стряслось? Или просто встал не с той ноги?

– Да черт его знает, – пожал плечами Джек. – Вроде с утра был нормальный...

Пожилый хотел сказать что-то еще, когда из-за угла появился Джонсон, с ходу бросивший:

– Ну, что там, готовы мои ключи?

– Вот они, сэр. – Джек помахал в воздухе брелоком. – Давайте чек, и я вас к машине провожу.

– Держи. – Богатей вручил квиток автомеханику и, забрав брелок, придирчиво его осмотрел – видно, искал масляные пятна. – И где ж стоит моя малышка?

– Пройдемте. – Джек махнул рукой, увлекая банкира за собой.

Пожилой остался стоять у входа – руки в карманах, лоб блестит от пота: лето в этом году выдалось невыносимо жарким, будто Вашингтон по мановению волшебной палочки моментально перенесся в Калифорнию или Флориду. И как Курт вообще умудрился заболеть, подивился Остин, наблюдая за одиноким велосипедистом, чья майка была насквозь мокрой от пота. Кажется, что даже ледяные ванны под полной луной не смогут ничего поделать с этой беспощадной духотой.

Металлический скрежет за спиной привлек внимание Остина, и он оглянулся: позади Джек с пультом в руках наблюдал, как ворота гаража заползают под потолок, открывая чудесный вид – «альфо-ромео» последней модели, белоснежная, как сорочка ее обладателя. Пожилой невольно залюбовался роскошной машиной. Да уж, обычному механику такую не видать, как своих ушей.

«А ведь такая не только у него одного, – подумал Остин, наблюдая, как автомобиль бесшумно проплывает мимо. –

Даже в какой-нибудь затрапезной по здешним меркам «Гловерс Глобакс» подобных дорогуших тачек – как муравьев в муравейнике!»

Чудесная машина остановилась рядом с Остином. Тонированное стекло медленно спряталось в дверь, и богатей, высунув голову, сказал:

– Передайте Курту, что я доволен.

Остин открыл было рот для ответа, но стекло уже вернулось на место, и белый «альфа-ромео» пулей вылетел из гаража. Не прошло и пяти секунд, как он шустро влился в поток машин, спешащих в центр.

– Что он тебе сказал? – спросил Джек, подойдя к пожилому соратнику.

– Сказал, чтоб я Курту передал, что он доволен, – бросил Остин, замороженно глядя на уносящуюся вдаль белоснежную красотку. – Ремонт.

– А что у него вообще могло случиться с тачкой? – задумчиво произнес Джек. – По виду – так она новехонькая, ни царапин, ни вмятин...

– Были б деньги, а умельцы найдутся, – фыркнул пожилой. – И вмятины исчезнут, и царапины, и коррозия... А вообще он на ходовую, кажется, жаловался. Курт два дня с ней возился за закрытыми дверями – видно, боялся кузов повредить.

– Дотошный он какой-то, этот Курт, – покачал головой Джек. – Пойдем по кофе, пока людей нет?

– А пойдём.

Спрятав чек для Курта в ящик верстака, механики закрыли его на ключ и отправились к кофейному автомату.

«Альфа-ромео» тем временем на всех порах неся по солнечному Вашингтону, обгоняя не в меру медлительных тихоходов. Кто-то сигналил ему вслед, кто-то даже пытался орать, но мистер Джонсон не обращал внимания на подобных наглецов. С давних пор он усвоил: все, кто позади тебя, не имеют никакого значения, ведь они уже в роли отстающих. А потому концентрироваться следует лишь на тех, кого ты еще не обогнал.

Едва увидел коридор – газ в пол! И снова – сигналят... Но ведь сигналят *сзади*!

В этой роскошной машине заключена была странная, непонятная банкиру магия: у водителя, сидящего за рулем белоснежной «красотки», невольно возникало страстное желание опередить всех и каждого, кто на свою беду оказался с ним на одной дороге. «Азарт уличного гонщика» – наверное, подобное чувство должно называться как-то так.

Бросив взгляд в зеркало заднего вида, Джонсон увидел, что к нему пристроилась зеленая «акура». Банкир свернул влево, обогнав бирюзовый «ниссан», – «акура» шмыгнула следом. Тогда Джонсон вернулся в правый ряд и усмехнулся, когда водитель зеленого авто повторил его трюк.

– Куда ты лезешь, парень? – пробормотал банкир, сочувственно качая головой. – Тебе ли со мной тягаться?..

Однако он зря иронизировал: «акура», уступающая белоснежному «альфа-ромео» практически по всем параметрам, тем не менее буквально приклеилась к нему. Человек, сидящий за рулем дорогущего «японца», явно был виртуозом вождения.

В другой день Джонсон наверняка поддался бы соблазну проучить этого самоуверенного типа, однако сегодня ему позарез нужно было прибыть в офис не позже десяти. И потому он трусливо включил сигнал поворота и резко ушел вправо, покидая оживленный поток машин. Джонсон успел заметить, как юркая «акура» просвистела мимо и, лавируя между другими авто, унеслась на запад.

«Гляди, какой шустрый!» – отметил банкир не без уважения.

«Альфа-ромео» нырнул в продолговатую тень, отбрасываемую небоскребом корпорации «Джеймисон Групп», и устремился к спуску на подземную парковку. Правда, у шлагбаума пришлось затормозить: он отчего-то не спешил подниматься, хотя Джонсон подъехал практически вплотную.

– В чем дело, Гувер? – с плохо прикрытым недовольством осведомился банкир у пузатого охранника, показавшегося из будки.

– Какие-то неполадки с электроникой, сэр, – виновато улыбаясь, пояснил толстяк.

Подойдя к преграде, он утопил черную кнопку в панель,

однако шлагбаум остался на прежнем месте. Тогда, нахмурившись, охранник ухватился за него обеими руками и потянул вверх. Это сработало: раздался звуковой сигнал, и шлагбаум резво поехал вверх – Гувер едва успел убрать руки.

– Уже, стало быть, четвертый раз за два дня, – повернувшись к банкиру, сообщил охранник.

– Ну так вызови электриков! Или ты ждешь, что оно само починится? – саркастически спросил Джонсон.

Гувер лишь неопределенно пожал плечами.

– Давай, займись! – прикрикнул на него банкир. – Хотя, если тебе нравится постоянно выбегать и дергать его вручную...

– Нет, сэр. – Охранник мотнул головой. – Не нравится.

Джонсон закатил глаза и, подняв стекло, утопил педаль газа в пол. Авто пронеслось мимо недотепы-охранника, обдав его потоком раскаленного воздуха. Поправляя растрепавшиеся волосы, Гувер с завистью смотрел уносящейся красотке вслед.

– Зверь-машина... – пробормотал толстяк, машинально запустив руку в карман брюк, дабы убедиться, на месте ли проездной билет.

«Неудачник, – думал банкир, наблюдая в зеркало заднего вида за тем, как охранник, понурившись, бредет в свою крохотную будку. – Интересно, каково это – каждый день ехать на работу в душном вагоне электропоезда, а потом до самого позднего вечера наблюдать, как куда более успешные и

талантливые люди проносятся мимо тебя на таких вот автомобилях? Я на его месте, надо думать, давно бы застрелился – от безысходности. Впрочем, уже скоро мистер Уоррен все равно передавит вас, бездарей, сидящих на наших шеях, словно жалких клопов!»

Припарковавшись неподалеку от лифта, Джонсон заглушил мотор.

И в тот же миг шикарный белоснежный «альфа-ромео» вместе с сидящим внутри банкиром просто разорвало на части мощнейшим взрывом.

* * *

2021 г., Сирджан, Иран

Я стою на коленях в луже его крови, смотрю на его бледное лицо. Дождь в Сирджане – довольно редкое явление, но сейчас у неба есть повод для плача: десятки сынов Ирана погибли, унеся за собой жизни двух сотен американских солдат.

Дождь промочил меня до нитки, но я не обращаю на это никакого внимания. Я продолжаю смотреть на Винни, стараясь убедить себя, что он просто притворяется мертвым, а на самом деле жив. Винни любит всевозможные розыгрыши, он вообще веселый чувак...

Не верится, что теперь придется говорить о нем в прошедшем времени.

– Нет, черт возьми, нет... – шепчу я на родном русском.
– Меня ты не обдуришь...

Но он очень убедительный в своей нынешней роли мертвеца – лежит, не дышит, не шевелится. Невольно начинаешь задумываться – а может, и вправду не врет, не притворяется? Тогда это хреново, чертовски хреново...

– Серега! Мамонт! – слышу из-за спины.

Оглянувшись, вижу, как ко мне ползет раненый капрал Бронс по прозвищу Банни. Его знаменитые «кроличьи» зубы теперь, наверное, уже не сыщешь среди фарша, в который превратили нашу доблестную роту пулеметы иранцев. Когда мы вернемся в Штаты, он, надо думать, непременно озолотит какого-нибудь ушлого стоматолога, ведь Банни без фирменной улыбки – уже не Банни, так же?

«А мы вернемся?» – усмехается внутренний голос у меня в голове.

– Жив, Крольчатина? – спрашиваю я, нарочито весело улыбаясь.

Однако приободрить его не выходит: напротив, при виде моей лыбы он тут же начинает плакать. Слезы текут по грязным щекам капрала, оставляя белые полосы на коричневом фоне, прямо ко рту, красному от крови.

– Чего ты ноешь? – ору я, стараясь на него не смотреть, – сам ведь едва сдерживаюсь, чтобы не разреветься. – Собе-

рись!

– Гас... Ворон... Торпеда... – шепчет треклятый Бронс, мотая головой из стороны в сторону.

– И Медведь, – мрачно добавляю я.

Медведь – это Винни. По понятным причинам.

– Он... тоже? – упавшим голосом уточняет Банни.

Мне хочется врезать капралу со всей дури, ногой прямо в его перекошенное плачем лицо. Черт, если бы ему уже не выбил зубы кто-то из иранцев, это обязательно сделал бы я – до того он выводит из себя своим надоедливym скулежом.

– Заткнись... – сквозь зубы выдавливаю я. – Без тебя тошно...

Я на всякий случай еще раз проверяю пульс Винни и, снова убедившись, что он не притворяется, наконец-то решаюсь встать. Мои раны еще не ноют, но я понимаю, что вполне могу умереть от потери крови, а потому медленно бреду к лежащему неподалеку вещмешку. Он кажется на удивление... целым. словно его сбросили сюда с неба уже после окончания боя наши с Крольчатиной ангелы-хранители. Я наклоняюсь к нему, хватаю за лямку, пытаюсь поднять. Руку пронзает боль – то ли перелом, то ли вывих, пока неясно. Да и наплевать, сказать по правде. Сейчас мне надо чем-то заткнуть лишние дырки в моем теле, если я, конечно, не хочу отправиться на тот свет вслед за остальными парнями.

– Мамонт... – снова зовет меня Банни. – Серега...

– Иду, Крольчатина... – отзываюсь я.

Волоча к нему найденный вещмешок, я озираюсь по сторонам. В душе я по-прежнему верю, что будут еще выжившие, кроме нас двоих. Но реальность не спешит меня радовать.

Трупы, трупы, кругом одни лишь трупы...

В этот момент мне безумно хочется единения с моими погибшими братьями по оружию. В голову закрадывается странная, сумасбродная мысль: «Вот бы сейчас кто-то из иранцев пристрелил нас с Крольчатиной!..» И только треклятый инстинкт самосохранения отдается пульсом в висках и торопит меня к лежащему на пузе Бронсу.

– Что с твоими ногами, старик? – спрашиваю я, усаживаясь на землю рядом с ним.

– Я их не чувствую... – шепчет капрал и закусывает нижнюю губу, чтобы не разрыдаться вновь.

И это, черт побери, совсем неудивительно: ведь его ноги посекло осколками гранаты. Чувствую, как глаза мои начинают блестеть. В худшем случае Банни лишится обеих ног, в лучшем очень скоро отправится на тот свет.

Я нахмурился. Ничего не перепутал? Да нет, все правильно: куда лучше помереть, чем остаток жизни прожить безногим инвалидом.

Но ему ведь я так не скажу?!

И потому я с невозмутимой миной расстегиваю вещмешок и заглядываю внутрь. Там немного снеди, немного бинтов и, словно вишенка на торте, рулончик туалетной бумаги.

Флягу хозяин мешка, возможно, носил в кармане или на поясе, по крайней мере, в рюкзаке я ее не наблюдаю. Вытащив бинты, я пододвигаюсь к скулящему Бронсу и рассматриваю его ноги вблизи. Даже мне, далекому от медицины человеку, понятно, что все очень и очень плохо. Чертыхаясь, я начинаю бинтовать его раны.

Когда я заканчиваю с одной ногой, приходит запоздалое осознание: мы еще живы.

Уже давно не рокочат автоматы иранцев, не лают их пистолеты. Нас с Банни слепой снимет, если захочет, – сидим себе, безмятежные, как на каком-нибудь калифорнийском пляже, – но никто не стреляет, не бежит к нам, скаля зубы или выкрикивая ругательства на местном диалекте. Ощущение, что Сирджан попросту вымер; собрал всех своих жителей, разом бросил их в бой с ненавистным американским агрессором... и проиграл.

«Все на красное».

Да, уж красного вокруг нас с Бронсом хватает.

– Ничего, Крольчатина... – шепчу я. – Ты у меня еще станешь олимпийским чемпионом в стометровке...

– Не трави душу, Мамонт, – качает головой Банни, не в силах, однако, сдержать слез благодарности.

Мы оба знаем, что его деньки сочтены.

Но говорить об этом как-то не хочется.

2031 г., Эль-Бурган, Кувейт

Я открыл глаза и уставился в грязный потолок. Простыня подо мной была мокрой от пота, дышал я тяжело и часто, будто только что вынырнул с глубины.

Воспоминания о Сирджанской Мясорубке преследовали меня с того самого дня, как я обнаружил убитого друга Винни, который лежал в луже собственной крови посреди улицы этого проклятого городка. Память – мой враг и союзник. Стоит воспоминаниям немного поблекнуть, и она следующей же ночью заставляет заново пережить этот кошмар. После таких снов я не сплю по три дня – боюсь, что, едва закрою веки, снова увижу заваленную телами улочку и ползущего ко мне капрала Банни.

Но, несмотря на этот ужас, я одновременно благодарен памяти за то, что до сих пор помню всех виновных в той бессмысленной, глупой бойне.

Будьте вы прокляты, мрази.

Поднявшись с кровати, я отправился в ванную комнату, где умылся и хлебнул воды прямо с крана (паршивая, но мне не привыкать). Когда я поднял голову и наткнулся взглядом на собственное отражение, захотелось плюнуть себе в лицо.

Что это? Игры разума? Дурацкая привычка искать изъяны прежде всего в себе самом? Джон Тейлор, вероятно, прямо сейчас пасет коров на своем ранчо в Аризоне. Возможно, он даже напевает под нос любимую песенку и ждет вестей из Эль-Бургана. Что для него этот город? Готов спорить, он знает лишь, что здесь есть нефть и что Синдикат тоже хочет завладеть этим местом. Как это по-американски: вторгаться куда-то, прикрывая свое желание нажиться благими намерениями!.. И никого не волнует, что местные жители совершенно не рады вооруженным солдафонам, которые безжалостно разрушают дома и убивают друг друга, дабы водрузить флаг своей коалиции на вершину крупнейшей нефтяной вышки.

И я – один из этих «солдафонов». Ничем не лучше, а, пожалуй, даже и хуже – ведь я, в отличие от них, сначала воевал за одних, а теперь за других. Вежливо таких людей называют наемниками, грубо – проститутками.

Я вернулся в комнату, плюхнулся на кровать. Увы, сон не шел. И дело было не в том, что я снял самую дешевую комнату в самом дешевом мотеле, а от матраса воняло пивом и мочой: при необходимости я мог спать на голой земле. Проблема заключалась в том, что стоило мне смежить веки, и я снова видел Сирджан и лицо убитых Винни и Крола. Когда же открывал глаза, не мог не думать о Джоне Тейлоре. Ирония заключалась в том, что я не был за Синдикат – я всего лишь *былне* заЛегион. Но в наши дни именно это желание

быть не за кого-то конкретно привлекает к тебе куда больше внимания, чем банальная солидарность с одной из сторон.

Жук вышел на меня месяц назад. Тогда я еще не знал, когда и под каким соусом подам мою месть: Джон Тейлор был недоступен, да и убить легендарного старика у меня бы рука не поднялась. И Жук поначалу тоже не смог спровоцировать меня на решительные действия...

А потом я пришел домой, открыл почтовый клиент и обнаружил там письмо от связного с пометкой «Секрет». К сообщению были прикреплены три фотографии с симпатичной блондинкой. На первом снимке девушка обедала в закусочной, на втором выбиралась из машины, припаркованной у бутика, а на третьем нежилась в кровати, натянув одеяло до подбородка и «забыв» выключить ночник.

Она всегда «забывала» об этом, ибо с детства боялась засыпать в темноте.

Помню, я пролистывал эти фотографии снова и снова. Когда я делал это впервые, сердце мое сжалось в комок, а во рту пересохло. Она покрасила волосы, а на втором снимке у нее были темные очки, но я узнал бы ее из миллионов других девушек, даже если бы над ней полгода колдовали пластические хирурги, – ведь привычки человека куда сложнее изменить, чем его внешность.

Моя сводная сестра Джулия. На пять лет младше, в сто раз порядочнее, и я говорю так не просто на правах любя-

щего брата – я действительно знаю, о чем толкую, ведь мы выросли с ней бок о бок. Притом Джулия еще и очень сильная, нестигаемая: если мать мы хоронили всем скопом, еще будучи детьми, то провожать отца ей пришлось в одиночку, ведь к тому времени я уже стал ликвидатором Легиона и приложил все усилия, чтобы никто никогда не смог связать меня с последним членом моей семьи. Когда ты специализируешься на убийстве людей, твое прошлое висит над тобой, словно мифический Дамоклов меч. Любая привязанность лишает тебя маневра. Именно поэтому я осознанно вычеркнул Джулию из жизни, решив, что так она будет в безопасности, а меня никто не сможет шантажировать.

И вот, спустя два дня, я снова смотрел на эти снимки и думал: черт побери, да как этот говнюк вообще умудрился ее найти? О том, что Сергей Мамонтов и Джулия Милтон – родственники, знал только я один, сестра же считала, что я погиб в Иране. Жестоко, но иначе было нельзя: то, во что посвящены двое, известно всем, и потому я был единственным хранителем нашего секрета... до того, как на меня вышел Жук и его треклятый шеф Гарри Гопкинс.

Правда, напрямик сказать мне, что моя сестра у них на мушке, связному не хватило духу – ведь я, разозлившись, мог свернуть ему шею прямо на месте. Нет, он поступил хитрее и коварнее: прислал мне письмо, уже растворившись в воздухе, и потребовал убить Харриса. А когда я сделал это для него, отправил меня спасать капитана Грина.

Я зажмурился и потер двумя пальцами переносицу.

И как работать с таким грузом на плечах?..

Я не жалел о том, что предал Тейлора. В конце концов, я давно собирался разорвать нашу связь и выйти из дела. Заказ Гопкинса показался мне не идеальным, но вполне уместным решением, чтобы удовлетворить мою жажду мести и, одновременно, спасти сестру.

Мы с Джулией не виделись более десяти лет. Последняя встреча состоялась аккуратно накануне вылета в Иран. Помню, она пыталась отговорить меня, упирала на то, что я последняя родная душа у нее на всем белом свете... но я был ослеплен желанием воевать под началом легендарного генерала Тейлора и мечтал самолично поучаствовать в «казни экстремистского государства», коим в те дни именовали Иран все без исключения (кроме, разве что, самих иранцев). Кто знает, как сложилась бы моя жизнь, если бы я не заболел армией, если бы остался на гражданке и нашел для себя занятие куда более безобидное, чем стрельба по живым мишеням? Моя сестра вряд ли была бы сейчас в смертельной опасности, а сам бы я совершенно точно не стал марионеткой в руках некоего влиятельного типа, который, судя по всему, готов на любую подлость, лишь бы я помог треклятому Синдикату выдворить Легион из Эль-Бургана.

Я отшвырнул телефон в сторону, и он, плюхнувшись на пол, укатился к чулану. Закинув руки за голову, я уставился в потолок.

Мне нужно выбросить из головы Сирджан и Тейлора. Нужно забыть, что сестра в опасности, и сосредоточиться на успешном выполнении задания. Убедить себя, что этот заказ ничем не отличается от десятка предыдущих, иначе нервяк приведет в могилу и меня, и Джулию.

Итак, что мы имеем?

Я сполз с кровати и подхватил с пола отброшенный мобильник. Скрепя сердце, закрыл старое письмо со снимками Джулии и развернул сегодняшнее, с инструкциями к текущей миссии. Снова пробежал текст глазами. Если информация в письме достоверна, Грин должен находиться в Эль-Вафре – городе в ста километрах к югу от Эль-Бургана, куда после вторжения Синдиката прихвостни Тейлора свозят пленных, раненых и беженцев. Как попасть туда человеку пришлому, вроде меня, беглого дезертира, я пока что придумать не мог.

Ну не сдаваться же мне в плен, в самом деле?..

За обдумыванием грядущей операции я в итоге и заснул.

Плевков на зеркале в ванной к тому времени, наверное, уже высох.

* * *

2031 г., Вашингтон, США

– Ну, он подъехал, а шлагбаум не открылся, – вещал Гувер, глядя на офицера полиции с электронной записной книжкой в руках. – Ну я и потянул его вверх, чтобы, значит, мистер Джонсон мог проехать. И сработало...

На подземной парковке «Джеймисон Групп» хватало людей. Были тут и полицейские, и «скорая», и, разумеется, сотрудники корпорации, которые столпились возле заградительной ленты и, щурясь, пытались отыскать взглядами все части тела почившего водителя. Даже многоопытный детектив Ларри Тернер, который немало повидал за годы службы в местном управлении, невольно занялся этим странным, но до жути любопытным анатомическим пазлом.

Вот его правая. А это... кажется, левая. Ну а там у нас что, рядом с тучным мистером с пышными бакенбардами, не ухо ли? Отсюда и не разглядишь...

– Детектив, сэр!

Голос офицера отвлек Тернера от увлекательной игры. Он с неохотой оторвал взгляд от предполагаемого уха и повернулся к вновь прибывшему.

– Я допросил охранника, который обычно дежурит у въезда на парковку. – Офицер махнул записной книжкой в сторону Гувера, который с грустной миной прогуливался вдоль шлагбаума. – Говорит, этого погибшего сотрудника звали Аарон Джонсон. По словам охранника, он приехал на парковку около десяти, шлагбаум заело, и охранник вышел, чтобы открыть его вручную. Затем машина мистера Джонсона –

белый «альфа-ромео» модели «тридцать два с» – заехала на парковку, остановилась на двадцать пятом месте ряда «А»... и взорвалась.

– Больше ничего интересного? – выгнул бровь Тернер.

– Увы, нет, сэр.

– Ты зря связался с этим шарообразным типом, – заметил детектив, кивнув в сторону Гувера. – Лучше пообщайся с кем-то из коллег этого... Аарона. Уверен, они знают куда больше обычного охранника.

– Я как раз собирался этим заняться, сэр. Просто нас вызвал именно охранник, он был единственным свидетелем взрыва.

– Я понял. – Ларри почесал щетинистый подбородок. – Ну, дерзай. Пройдись по коллегам этого типа. Как что узнаешь, сразу сообщай мне.

Офицер кивнул и устремился к сборищу «белых воротничков». Детектив проводил полицейского рассеянным взглядом и, развернувшись на каблуках туфель, неспешно побрел к обгоревшему кузову автомобиля.

Несмотря на солидный стаж, ничего подобного Тернер прежде не видел. Выгорело все, что только может гореть. По сути, от машины-то и остался один кузов да четыре оплавленных овала, некогда бывших дисками колес. Судя по характерным звукам, кого-то из зевак все-таки стошнило; Ларри улыбнулся самыми уголками рта, вспомнив свои первые дни в отделе убийств.

Вой сирен отвлек детектива от созерцания раскуроченного «альфа-ромео». Повернувшись на звук, он увидел, как на парковку въезжают один за другим два черных «доджа». Ларри нахмурился. Он уже знал, кто сидит внутри.

«Доджи» остановилась чуть в сторонке от места происшествия. Двери их открылись практически синхронно, и наружу показались...

«Клоны».

Да, пожалуй, их можно было так назвать – несмотря на различия в цвете волос, вновь прибывшие походили друг на друга, как братья: подтянутые, среднего роста, даже, скорее, высокие, гладко выбритые, в темных очках, черных костюмах-тройках и черных же туфлях. Ларри невольно вспомнил древний фильм «Матрица»; сотрудники ФБР всегда напоминали ему двойников агента Смита. Благо хотя бы двигались эти типы не синхронно, иначе Тернер бы определенно сошел с ума. Глядя, как «клоны» подныривают под заградительную ленту, как, выпрямившись, оправляют наряды и быстрым шагом приближаются к месту трагедии, он думал, что его участие в расследовании заканчивается, даже не успев толком начаться. Смешно, но слово «взрыв» в рапорте автоматически переводит дело в юрисдикцию «федералов» – будь то «взрыв торгового центра» или «взрыв фейерверка».

Впрочем, сегодняшний инцидент вряд ли можно было считать несчастным случаем: без солидного количества пластида тут явно не обошлось.

– Здравствуйте, сэр, – сдвинув очки на лоб, поздоровался с детективом один из агентов. – С кем имею честь?

Глаза у него были небесно-голубого цвета, будто у героя очередного романтического фильма для подростков.

«Наверное, это их главный!» – решил полицейский, а вслух сказал:

– Детектив Ларри Тернер, убойный. И вам не хворать. Чем обязан, агент...

– Паттерсон. – Вновь прибывший постучал указательным пальцем по бейджу на груди и продемонстрировал Ларри удостоверение с позолоченной бляхой и заветной аббревиатурой. – Стэн Паттерсон, ФБР.

– Так что привело вас сюда, агент Паттерсон? – перефразировал вопрос детектив. – Неужели вы думаете, что это теракт?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.